

УДК 159.929:591.511

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-47-56

Федорович Е. Ю.,
Соколова Е. Е.

ОТ «БАШНИ МОЛЧАНИЯ» К «ДВИЖЕНИЮ ПО ФОРМЕ ПРЕДМЕТОВ»: ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ Э.В. ИЛЬЕНКОВА В СОВРЕМЕННОЙ ЗООПСИХОЛОГИИ

Федорович Елена Юрьевна, кандидат психологических наук. Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия. E-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru
Соколова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент. Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия. E-mail: ees-msu@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждается значимость идей Э.В. Ильенкова для современной зоопсихологии и общей психологии. Определяя, как и Э.В. Ильенков, психику животных как их «движение по форме предметов», авторы анализируют релевантные данному определению работы отечественных психологов и антропологов и представляют результаты своих теоретических и эмпирических исследований в контексте идей психологической школы А.Н. Леонтьева, доказывая методологическую несостоятельность весьма распространенного в современной науке «реактивного» понимания психики по схеме «стимул – реакция». Особое внимание авторы обращают на то, что формулу Э.В. Ильенкова «движение по форме предметов» не следует трактовать только «абстрактно-геометрически», поскольку в процессе решения текущих задач жизнедеятельности животные «уподобляются» не столько собственно физическим свойствам объектов как таковым, сколько «представленным» в этих объектах возможным способам действий с ними. Опираясь на приведенные в статье данные эмпирических исследований, авторы статьи развенчивают существующий в психологии миф о «самостоятельности» поисково-ориентировочной (исследовательской) активности животных (которая якобы осуществляется сама по себе и ради самой себя). Напротив, особенности поведения животных в незнакомом для них предметом поле, а именно то, какие предметы (точнее, их свойства) будут «втянуты» в их деятельность, определяются задачами, которые животные решают в ходе своей жизнедеятельности в единстве ее «исполнительной» и «ориентировочной» составляющих. Данный вывод также сопрягается с соответствующими взглядами Э.В. Ильенкова и способствует развитию ключевой идеи школы А.Н. Леонтьева о психике как «функциональном органе» деятельности.

Ключевые слова: Э.В. Ильенков; А.Н. Леонтьев; зоопсихология; теория деятельности; движение по форме предметов; эффорданы; ориентировочно-исследовательское поведение.

Fedorovich E. Yu.,
Sokolova E. E.

FROM THE "TOWER OF SILENCE" TO THE "MOVEMENT ACCORDING TO THE OBJECTS FORM": THE CONCEPTUAL LEGACY OF E.V. ILYENKOV IN MODERN ANIMAL PSYCHOLOGY

Fedorovich Elena Yurievna, PhD in Psychology. M.V. Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia. E-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru
Sokolova Elena Evgenievna, PhD in Psychology, Associate Professor. M.V. Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia. E-mail: ees-msu@mail.ru

Abstract

The article dwells on the importance of E.V. Ilyenkov's ideas for modern animal psychology and general psychology. Following E.V. Ilyenkov in defining animal psychology as "movement according to the objects form", the authors analyze the works of domestic psychologists and anthropologists relevant to this definition. They present the results of their theoretic and empiric researches in the context of A.N. Leontiev's scientific school of psychology and prove the methodological inconsistency of the "reactive" understanding of psyche according to the scheme "stimulus – reaction" which is wide-spread in modern science. The authors lay a strong emphasis

on the fact that the E.V. Ilyenkov's formula of "movement according to the objects form" should not be interpreted only from the "abstract geometric" point of view, as while managing the current tasks of life-sustaining activity of animals relate not to physical properties of objects at large, but rather to possible modes of treating these objects "represented" in them. Relying upon the empiric researches presented in the article, the authors dispel a myth of "independence" of search and orientation (exploratory) activity of animals (allegedly carried out by itself and for itself), popular in psychology. On the contrary, the peculiarities of animal behavior in the unknown object field, that is what objects (or to be more exact, their properties) are involved in their activity, are determined by the tasks that the animals perform during their life activity in complex with "executive" and "orientation" components. This conclusion goes in line with the corresponding views of E.V. Ilyenkov and contributes to the key idea of the A.N. Leontiev's scientific school, which defines psyche as a "functional organ" of activity.

Keywords: E. V. Ilyenkov; A. N. Leontiev; animal psychology; activity theory; "movement according to the objects form"; affordance; exploratory behavior.

В многогранном творчестве Э.В. Ильенкова есть ряд работ, чрезвычайно актуальных для современной психологии, в том числе для исследований в области зоопсихологии и сравнительной психологии. В этих работах представлен взгляд на природу психики животных, открыто противостоявший весьма распространенному в СССР «павловскому» подходу, в основе своей картезианскому. К сожалению, этот подход, суть которого отчетливо выражена в так называемом постулате непосредственности, как его называли Д.Н. Узнадзе и А.Н. Леонтьев (или в двучленной схеме анализа, то есть в схеме S – R), не только не ушел в прошлое, но и весьма распространен в современных – как отечественных, так и зарубежных – исследованиях когнитивных способностей животных (и не только животных), особенно в рамках *neuropsychology*. Целью настоящей статьи является представить значимость ильенковского понимания природы психики животных – «низшего этажа психики» – в тех ее характеристиках, «которые инвариантны для всякой психики, общие¹ и психике человека, и психике животного» [8, с. 34], для реализации принципа экологической валидности при проведении исследований в области зоопсихологии и сравнительной психологии.

В подготовительных материалах к большой работе «К понятию “тело человека”, “человеческое тело”», которую Э.В. Ильенков, к сожалению, так и

не написал, содержалась резкая критика понимания в рамках схемы S – R природы психики животных. По мнению Эвальда Васильевича, при таком подходе изучение психического заменялось анализом совсем другой реальности, а именно активности мозга животного в ответ на стимулы, поступающие из окружения. Эксперименты И.П. Павлова «в башне молчания», считал философ, могут обеспечить «идеальные условия наблюдения только тех процессов, которые совершаются ВНУТРИ собачьего организма», то есть тех процессов, «которые реально никакой психики не требуют и никакой психики не выявляют, а дают сумму явлений работы мозга собаки» [7, с. 403]. Эта подмена происходила потому, утверждал Э.В. Ильенков, что в подобных экспериментах «выключалась» поисково-ориентировочная деятельность животного, т.е. фундаментальный психический феномен. И подчеркивал: «психика осуществляется не в пространстве ОРГАНИЧЕСКОГО ТЕЛА, а в том реальном пространстве, где ТЕЛО ЖИВОТНОГО ИЩЕТ-РЫЩЕТ ПИЩУ, ВОДУ и пр.» [7, с. 401]. Поиск же психики в пространстве черепа животного, то есть «безвылазная картезианщина», по мнению Э.В. Ильенкова, приводит не только к механицизму в понимании деятельности животных², но и к «натурализации» В<ЫСШЕЙ> Н<ЕРВНОЙ> Д<ЕЯТЕЛЬНОСТИ> ЧЕЛОВЕКА» [7, с. 404].

Альтернативой подобной «картезианщины» для Э.В. Ильенкова было спинозовское учение о мышлении как функции действующего в

¹ Здесь слово «общее» следует, конечно, понимать в ильенковском смысле: не как внешне-сходное в психике человека и животных (поиск такого «общего» является, к сожалению, чрезвычайно любимым занятием многих наших коллег), а как «всеобщее», т.е., по Э.В. Ильенкову, как закон существования единичных явлений в их взаимосвязи, или как единство многообразного [6].

² Заметим от себя, что объяснительной схемы «стимул – реакция» недостаточно даже для понимания поведения беспозвоночных. Еще Г. Дженнингс [H. Jennings] в 1906 г. в своей книге о поведении низших животных приводил многочисленные примеры их активности, которую он описывал как *пробующие движения (trial movements)* (по: [36]).

пространстве предметов индивида, как его движения «по форме» этих предметов. «Психика от начала до конца есть функция и производное *от внешнего действия организма*, то есть от его передвижения во внешнем пространстве, заполненном предметами», – писал Э.В. Ильенков в другой своей работе [10, с. 98], а вовсе не функция мозга как такового, который, по мнению философа, является не *субстанцией* психического, а его биологическим *субстратом*. Аналогичные идеи, как известно, развивались в психологии в рамках родственной Э.В. Ильенкову по духу школы А.Н. Леонтьева. Согласно этим идеям, деятельность (как человека, так и животных) как субстанция психического [20] первоначально необходимо протекает во внешней форме, в практических процессах (контактах) с предметным миром. При этом, утверждал А.Н. Леонтьев, «осуществляясь, деятельность не остается сама собой, но *изменяется в соответствии с реальным предметом*, подчиняясь [уподобляясь, как часто говорили в школе А.Н. Леонтьева. – Е.Ф., Е.С.] ему; а это изменение деятельности, порожденное ее встречей с *объективным* предметом, в свою очередь, неизбежно ведет к изменению и обогащению связанного с ней внутреннего, отражающего предмет состояния субъекта» [14, с. 110].

То, как осуществляется «живое построение движений» по «форме предметов», по любимому выражению Э.В. Ильенкова, как «втягиваются» эти предметы в активность животных, мы продемонстрировали в одном из ранних циклов наших работ. Животные (крысы, а в дальнейшем и мыши) помещались в своей домашней клетке в экспериментальную установку «открытое поле»; после того как дверца клетки-домика открывалась, у животных появлялась возможность выходить на незнакомую для них территорию [15; 27]. Этот выход *всегда* начинался с особого этапа «ориентировок из домика»: прежде чем выйти в «открытое поле», животные, бегая по клетке, совершали ориентировочные стойки внутри нее в разных направлениях, всматривались, принюхивались, опускали голову к полу у порога и начинали водить вибриссами по полу, ощупывая его таким образом. Только после этого животные наступали на пол «открытого поля» передними лапами, при этом поскрѣбывая его когтями. Медленно двигаясь первый раз от домика вдоль стен, зверьки буквально «протирали пол животом», ощупывая одновременно пол и стену вибриссами, а движение к домику уже происходило шагом и в более быстром темпе, без ощупывания пола

вибриссами, при этом у зверьков появлялись дистантные ориентировки. Если крыса или мышь хотя бы однажды проходила вдоль двух стен «открытого поля», она возвращалась назад уже с учетом «объективной метрики» «поля», нередко срезала угол, сокращая путь к клетке.

В этих исследованиях мы фактически «поймали» сам процесс построения образа предметного мира животным посредством **уподобления** его движений (локомоторных и манипуляционных) **форме предметов** и получили фактический материал, иллюстрирующий важный для психологии процесс перехода от сукцессивно протекающего предметно-практического действия, посредством которого происходит построение образа мира субъектом, к его образу как симультанному «слежку» произошедшей деятельности и – обратно – к действию, которое теперь осуществляется с учетом того, что представлено в сформировавшемся образе.

Здесь следует подчеркнуть, что движения животного по отношению к предмету не просто уподобляются его свойствам: животное замечает изменения в предметном поле, происходящие в результате его собственной активности, – и начинает их «опробовать». Так, известный отечественный психолог С.Л. Новосѣлова в своих ранних, проведенных в русле сравнительной психологии, работах отмечала, что, заметив какие-либо изменения в «ситуационном поле», обезьяна обычно начинает действовать в этом направлении, углубляя изменения, т.е. учитывает результаты произошедших изменений в дальнейших своих действиях [16]. По мнению исследовательницы, в этом наглядно проявляется «единство предметно-манипуляционной деятельности и ориентировочно-исследовательской деятельности»¹ [16, с. 201]. На то обстоятельство, что предметы, поддающиеся воздействию, привлекают животное сильнее, чем менее податливые, обращал внимание и советский антрополог Н.Ю. Войтонис. Он писал, что обезьяны охотнее и дольше манипулировали шариком на длинном шнуре, чем таким же шариком, привязанным к короткому шнуре. В эксперименте с двумя резиновыми грушами, из которых одна была полая, а другая залита парафином и «не поддавалась сжатию», обезьяны «занимались» сначала обеими грушами примерно одинаковое

¹ Или, иначе говоря, единство «исполнительной» и «ориентировочной» составляющих деятельности, в соответствии с ключевой идеей школы А.Н. Леонтьева [19; 20].

время, затем интерес к твердой груше падал, а к мягкой держался на одном уровне, пока, наконец, животные не разрывали ее на две половины. На короткий период весь интерес животного сосредоточивался на оторванной свободной половине [3]. Впоследствии в разных исследованиях было неоднократно показано, что шимпанзе тем длительнее манипулирует с объектами, чем больше те представляют из себя «подвижные», «гетерогенные» и «поддающиеся изменениям» стимульные конфигурации (по: [38]).

Таким образом, говоря об уподоблении у животных посредством «движений по форме предметов», мы имеем в виду то, что индивиды «уподобляются» не столько собственно **физическим** свойствам объектов как таковым, сколько «представленным» в этих объектах возможным **способам действий** с ними: по выражению П.Я. Гальперина, окружающий мир открывается перед индивидом как «поле его возможных действий» [4, с. 32]. Поддерживая эту позицию, известный отечественный психолог В.К. Вилюнас писал: «Воспринимать предмет – это значит видеть, что с ним или по отношению к нему можно сделать» [2, с. 33]. Иными словами, видеть, как может **измениться** объект, обычно означает вместе с тем «видеть, **как можно его изменить**». Иллюстрацией данного положения является поражающее многообразие способов манипуляционного «опробывания» предметов приматами, о котором упоминали практически все отечественные ученые, описывавшие ориентировочно-исследовательскую деятельность этих животных [3; 16; 17]. Изучая шимпанзе, Г.З. Рогинский насчитал у них «многие десятки различных движений и действий с предметами в процессе манипуляционной деятельности, благодаря чему шимпанзе оказывается в состоянии обнаружить ряд таких свойств предметов, которые остаются скрытыми для других животных» [17, с. 49]. Это расширяет познавательные возможности шимпанзе и обеспечивает его многообразные связи с окружающим его миром (Umwelt).

В наших собственных исследованиях синантропные серые крысы, вынужденные жить в условиях постоянно изменяющейся человеком физической среды, сталкиваясь впервые с неизвестными для них объектами, манипулируя с ними, обычно последовательно осуществляли большое количество разнообразных действий. Даже при обследовании тяжелых и не поддающихся непосредственным изменениям объектов (например, камня размером с куриное

яйцо) у всех серых крыс разворачивалось последовательное опробывание различных действий из репертуара манипуляционных, свойственных данному виду [15; 27], при этом животные осуществляли более двух десятков (!) действий, обеспечивающих отражение таких свойств объектов, как их твердость или мягкость, размер, характер поверхности, вес и даже их «звучание».

Значимость подобного многообразия опробывания разных способов действий для расширения познавательных возможностей индивидов и обеспечения их более многообразных связей с внешней средой становится очевидной при изучении активности тех видов животных, которые изобретают новые способы поведения, расселяются в новые места обитания или продолжают процветать после антропогенного изменения прежних мест их обитания [37]. Причины приспособленности животных к неизвестным для них или постоянно изменяющимся условиям жизни следует искать не в якобы присущих им сложных формах человекоподобного «мышления» или других «высших» когнитивных способностей (выявлению которых посвящены многие работы, проведенные, например, в русле исследований «animal cognition» в XX веке; их обзор см.: [18]), но в широком диапазоне разных форм «опробываний» предметов и гибком и быстром подлаживании поведения в ответ на изменения, произошедшие благодаря исследовательским, опробывающим действиям животных. Так, Н.Ю. Войтонис обнаружил, что при большом многообразии приемов и действий, какое наблюдается при манипулировании предметами обезьянами, при длительном и упорном манипулировании они нередко достигают в своей деятельности блестящих результатов, например, вырабатывают весьма сложные навыки: распутывают шнур, расплетают сетку, отодвигают засов и т.п. [3]. Вместе с тем те же индивиды обнаруживают поразительную неспособность решать задачи на основании только лишь восприятия (без манипуляционных действий) цельных конструкций (например, решить, за какой конец потянуть, чтобы распутать узел).

Сходные выводы делают некоторые авторы, изучающие поведение животных в природе. Например, анализируя возможные причины «процветания» знаменитых новозеландских попугаев кеа при значительной антропогенной трансформации мест их обитания, ученые

сделали вывод, что успешно решают новые задачи (в природе – открыть мусорные баки; в лаборатории – выкрутить болт или вынуть проволоку, чтобы открыть крышку) только те птицы, которые более длительно перебирают различного рода способы действия и внимательны к любым, даже малейшим, изменениям, произошедшим благодаря им. Ярко выраженная у кеа склонность к исследованию сопрягается у них с настойчивой, тщательной деструктивностью [33]. Исследователи поведения этих птиц особо отмечают «заинтересованность» попугаев кеа в объектах, которые можно разобрать, разрушить [31]. Одной из причин появления у животных определенных видов или конкретных индивидов новых способов решения задач (т.н. «инноваций») некоторые исследователи считают то, что склонные к этому индивиды поочередно опробывают в новых условиях сформированные ранее способы взаимодействий с предметами [33; 35; 37; 39].

Подчеркнем еще раз: говоря об «уподоблении свойствам предметов» как способе порождения животными психического образа *их* мира, мы можем утверждать, что в образе мира животного представлены не **физические свойства вещи как таковые**, а **открытые животным способы взаимодействия с ней**, то есть совокупность операций, которые можно совершить с вещью для достижения определенного желаемого результата. Особенно наглядно это выступает при анализе поведения животных в естественных для того или иного биологического вида условиях.

Понимание того, что поведение индивида нельзя рассматривать в отрыве от возможностей, которые задает предметное окружение для его действий, привело к тому, что при описании и объяснении поведения животных за рубежом всё чаще прибегают к понятию эффордансов (affordances) [напр., 29; 30; 31; 32], введенному Дж. Гибсоном [5, с. 188]. Эффордансы — это то, что окружающий мир «разрешает» индивиду реализовать, **те «возможности объектов», которые открываются животному того или иного вида посредством его непосредственных предметно-практических действий**. В этом смысле «эффордансы» относятся одновременно и к окружающему миру, и к животному, то есть определяются некоторыми авторами лишь при условии рассмотрения «расширенных систем» (extended system) «животное-в-его-окружении» [29]. Отстаиваемое этими авторами понятие «расширенное познание» (extended cognition)

подразумевает, что когнитивная активность животных (и человека) представляет собой систему, неотделимыми компонентами которой являются мозг, тело и окружение, нелинейно связанные между собой. О необходимости рассмотрения индивида в единой системе с окружением, а когнитивных функций – как выходящих за пределы «мозга и тела» пространственно-временных систем, для функционирования которых необходимы определенные условия окружения и/или прошлого субъекта, говорится все больше и больше в рамках так называемых динамических подходов в когнитивной науке [11].

Уточним, что, с точки зрения Э.В. Ильенкова и психологии деятельности школы А.Н. Леонтьева, «рассмотрение животного в его окружении» означает тщательный анализ его **реальной деятельности**, которая, по мнению А.А. Леонтьева, «не “прибавляется” к субъекту и объекту, а конституирует их» [13, с. 262]. Эта мысль в еще более эксплицированном виде выражена А.В. Сурмавой, который, рассматривая любой акт жизни организмов (в том числе обладающих психикой) как спонтанный и продуктивный процесс, определяет продуктивность как «расщепление спонтанного потока активности на два полюса – полюс субъекта и полюс предмета», то есть как **«акт полагания предмета и тем самым акт полагания субъекта»**. «Как для существа, обладающего психикой, – утверждает он, – для меня существует только то, что я положил своей активностью в качестве моего предмета». Только «при наличии вышеназванных предпосылок, – считает А.В. Сурмава, – можно, наконец, двинуться по форме, по логике самого предмета» [23].

О том, что формулу Э.В. Ильенкова «движение по форме предметов» не следует трактовать только «абстрактно-геометрически» (о чем, впрочем, писал и сам Э.В. Ильенков [9, с. 95; см. также 24, с. 16]), доказывают и наши собственные относительно недавние исследования. Их целью было показать: то, какие эффордансы предметов будут «представлены» животным в их восприятии (иными словами, по какой именно «форме» предметов будут двигаться животные), зависит от **тех практических задач жизнедеятельности, которые стоят перед ними**.

Мы наблюдали за поведением рыжих лесных полевок – самых распространенных грызунов лесов средней полосы России – в ситуациях спонтанного освоения ими незнакомого для них

предметного пространства (предметы условно разделялись нами на «высокие» ($h=40$ см), а именно коряги, «невысокие» и в которые можно спрятаться – чайник, горшок, и «бесполезные» предметы – детская пирамидка) [12]. Прежде чем у животных появлялась возможность выйти в незнакомое помещение, одна группа полевок в течение суток «переживала наводнение» – на полу кюветы, где жили зверьки, появлялась вода, и животные могли бегать лишь по мостику, связывающему гнездо и кормушку. Другая группа полевок перед выходом в незнакомое помещение пережила встречу с хорошо знакомым им по предыдущему опыту «хищником» – рядом с их «домашней» кюветой в течение суток находился кот. Мы наблюдали за поведением полевок после того, как кювета открывалась и у животных появлялась возможность выходить в незнакомое для них помещение. Как выяснилось, животные, оказавшись в одинаковом для всех них «предметном пространстве», **выделяли своей жизнедеятельностью** именно те свойства предметов, которые были важны им с точки зрения ситуации, с которой они сталкивались накануне. Те полевки, которые пережили «наводнение», бегали преимущественно между предметами, не прижимаясь к их стенкам. Они чаще подходили к самым высоким предметам, нюхали их, чаще залезали на них и ориентировались с них, дольше находились на них, чем те индивиды, которые накануне пережили опасность «быть съеденным хищником». Они никогда не спали на полу – только на корягах или на бортиках стенок помещения. Полевки, встретившиеся с «хищником», оказавшись в незнакомом для них помещении, бегали, плотно прижимаясь к предметам, подходили преимущественно к низким, закрытым сверху и с боков объектам, чаще, чем полевки из группы «после наводнения», залезали в них, никогда не спали, находясь снаружи предметов. Они никогда не залезали на высокие предметы до конца, надолго не задерживаясь на них.

Данные исследования внесли, как нам представляется, существенный вклад и в развенчивание давно существующего в психологии мифа о «самостоятельности» «поисково-ориентировочной деятельности» животных, которая осуществляется сама по себе и ради самой себя [28]. Это сопрягается с утверждениями Э.В. Ильенкова о том, что нет «никаких мифических рефлексов вроде «рефлексов цели», «свободы» <...> или

“поисково-ориентировочного рефлекса”, которые многим физиологам до сих пор кажутся “безусловными”, то бишь врожденными», оторванными в своем развитии от реальной жизнедеятельности [8, с. 34]. Именно задачи жизнедеятельности определяют пристрастный характер развертывания той или иной «ориентировочной активности» животных. Конкретный индивид строит **свой** «образ мира», вычерпывая именно ту информацию (в широком смысле), которая необходима ему на данный момент времени [22; 28].

Приведем данные еще одного нашего раннего исследования, доказывающего это [15; 27]. Мы наблюдали за группой домовых мышей, населявших экспериментальную «жилую комнату», в которую помещались различные предметы человеческого обихода, такие, например, как стол, стулья и кровать, чемодан, ботинки, «незаряженные», т.е. неработающие, «живоловки» (домики-ловушки) и т.п. В каждой из живущих в «комнате» групп домовых мышей через некоторое время самцы разделялись на доминанта и подчиненных. Значительная часть активности доминантных особей была направлена на охрану территории и попытки «выжить» других самцов и пришедших чужих. Задачами подчиненных особей было найти подходящие убежища и/или покинуть «комнату», чтобы избежать преследований и травм со стороны доминантного самца. При изменении физического расположения объектов в обстановке «комнаты» зверьки разных рангов различным образом реагировали на произошедшее. Подчиненные самцы всегда замечали большее количество изменений, т.е. изменяли свою активность в соответствии с ними. Мыши низкого ранга замечали перестановку вещей (когда, например, ведро переворачивалось кверху дном, а ботинки менялись местами) и даже их исчезновение (!) (когда убирался стул или домики): сначала зверьки с разных мест ориентировались в сторону «пустого места», где раньше находился предмет, потом с короткими перебежками и резкими сменами направления движения ходили по месту – «проекции» – стоявшего ранее предмета, сопровождая обход частыми ориентировками «столбиками» вверх, несколько раз отбегали от него в сторону и, поворачиваясь в разных направлениях, совершали ориентировки, после чего пробегали по этому месту из разных участков комнаты на большой скорости.

Доминанты в каждой из экспериментальных групп, напротив, замечали только те изменения,

которые происходили рядом с местами их активного и частого передвижения, а также, как правило, никак не реагировали на исчезновение и перестановку предметов (например, не замечали исчезновения стула, если у них на нем не было убежища). Однако интереснее всего то, что примерно в половине случаев доминантные мыши замечали появление нового предмета далеко не с первого раза своего пребывания рядом с местом изменения. Когда доминант бегал в поисках производившего шум индивида, шел по запаховому следу другой мыши или активно преследовал ее, он не замечал появившихся на его пути даже достаточно крупных предметов, например, железных домиков-ловушек. Иногда его «знакомство» с произошедшим изменением обстановки происходило «принудительно»: преследуя другую мышь, самец-доминант буквально «врезался» с разбегу в новые предметы, которые при этом ловко обегал удирающий от него подчиненный зверек (успевавший к тому времени уже обследовать произошедшие изменения), и кубарем откатывался от удара в сторону.

В подобных ситуациях самцы-доминанты, если и прерывали свою текущую активность (преследование, поиск, вынюхивание следов), то проявляли сильно выраженную **неофобию** (боязнь новизны): надолго замирали, резко отбегали к ближайшему укрытию, урывками выглядывали из-за него и пробегали несколько шагов по направлению к «неожиданно для них появившемуся» предмету, после чего вновь бежали к укрытию, осуществляя множество непродолжительных горизонтальных ориентировок. Столь сильную неофобию у доминантов мы можем объяснить резким рассогласованием между их ожиданиями и тем, с чем они реально, буквально физически, сталкивались в ходе своей жизнедеятельности (как в выше приведенном примере – ударяясь о только что поставленные нами предметы или о дно перевернутого нами ведра). Мы никогда не наблюдали столь сильной неофобии у подчиненных самцов, которых буквально «притягивало» к местам изменений, «как магнитом».

В связи с этим следует упомянуть очень интересную особенность поведения в уже обследованной комнате подчиненных зверьков (которая никогда не наблюдалась у доминантов) всех исследованных видов грызунов, а именно «переобследование». «Переобследование» заключалось в том, что зверек, выйдя из убежища после сна, не шел прямо к кормушкам, а начинал

петлять по части «комнаты», заново пробегая рядом или по верху уже хорошо знакомых предметов, при этом он нюхал, кусал, трогал их лапами, лазал внутри, по бокам и сверху, обходил, протирая боком многие из них. Создавалось впечатление, что субдоминанты буквально «ожидали» изменений. При этом упавшая в «комнату» «бесполезная» шишка столь же эффективно притягивала к себе подчиненного самца, как и появившийся в помещении домик-живоловка, который представлял из себя потенциальное укрытие¹.

Вышеприведенный эмпирический материал, с нашей точки зрения, наглядно иллюстрирует разделяемое нами теоретическое положение деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева: то, какие именно свойства объектов, какие связи и отношения между ними «отражаются» животными в процессе их обследования и последующих действий с ними, можно выявить, лишь изучая реальные формы деятельности животных, которые постоянно решают различные жизненные задачи [22; 28]. Таким образом, мы можем подтвердить на зоопсихологическом материале общую идею школы А.Н. Леонтьева, с одной стороны, и Э.В. Ильенкова, с другой: образ мира животного (который выступает у него как поле его возможных действий) строится исключительно посредством предметно-практической деятельности животного в этом мире, в результате его ориентировки в нем при решении текущих задач жизнедеятельности. Иными словами, психика есть функция (или, точнее говоря, функциональный орган [20; 21]) деятельности, а не мозга как такового. При всей модности и распространенности в настоящее время «церебрализма»² в современных нейронауках лежащее в его основе «реактивное понимание» психического по формуле $S - R$ представляется нам в свете новых данных научно несостоятельным даже по отношению к психике животных, не говоря уже о психической жизни человека. Поэтому всерьез говорить о простом взаимовлиянии «функций мозга, культуры и генов» [26, с. 5] кажется методологическим тупиком, причем не только нам, но и некоторым

¹ Следует, впрочем, отметить, что подобные «переобследования» не имели у подчиненных мышей какого-либо «системного характера», иначе следовало бы ожидать, что они раз за разом пунктуально обходили бы разные участки комнаты.

² Очень удачный, на наш взгляд, термин «церебрализм» (brainism) взят из статьи Д. Бэксхёрста [1].

нашим зарубежным коллегам, которые – вопреки всеобщему тренду на «церебрализм» – осмеливаются утверждать, что «нельзя использовать правила, действующие на физиологическом клеточном уровне, для достоверного предсказания действий на ином – психологическом – уровне» [25, с. 23].

В предложенной вниманию читателя статье мы совершенно не затрагивали взглядов Э.В. Ильенкова на особенности психической жизни человека. Между тем, рассматривая ее в той же логике «движений по форме предметов», Э.В. Ильенков подчеркивал, что лишь «недиалектически мыслящие ученые» толкуют ее как ту же «зоопсихику», только более «разветвленную и усложненную», т.е. считают, что «человеческая психика развивается в ходе простой плавной эволюции психических функций, свойственной всем высшим животным» [8, с. 35]. Напротив, утверждал философ, «уже в сфере сенсомоторного мышления человеческое развитие принципиально отличается от развития “мышления” животного», поскольку «сенсомоторные схемы человеческой деятельности завязываются как *схемы деятельности с вещами, созданными человеком для человека* [выделено нами. – Е.Ф., Е.С.], и воспроизводят логику “опредмеченного” в них разума, общественно-человеческого мышления» [9, с. 96]. Однако анализ данного вопроса, в том числе на основе сравнительно-психологических исследований, проведенных нами в логике идей Э.В. Ильенкова и школы А.Н. Леонтьева, выходит за рамки поставленных в настоящей работе задач и требует отдельной объемной статьи.

Литература

1. Бэжхёрст, Д. Психика, мозг и образование // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 50-65. [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=851&Itemid=52 (дата обращения: 17.05.2016).
2. Вилюнас, В.К. Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. 458 с.
3. Войтонис, Н.Ю. Предыстория интеллекта. К проблеме антропогенеза. М.-Л.: АН СССР, 1949. 271 с.
4. Гальперин, П.Я. Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 400 с.
5. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
6. Ильенков, Э.В. Всеобщее // Философская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия, 1960. С. 301-304.
7. Ильенков, Э.В. К понятию «тело человека», «человеческое тело» // Эвальд Васильевич Ильенков /

Под ред. В.И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2008. С. 396-408.

8. Ильенков, Э.В. Откуда берется ум // Э.В. Ильенков. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 30–43.

9. Ильенков, Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи) // Вопросы философии. 1977. № 6. С. 92–96.

10. Ильенков, Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модек», 2002. 112 с.

11. Князева, Е.Н. Информационный, конструктивистский и самоорганизационный подходы к объяснению познания // Философия науки. 2010. Вып. 15. С. 74–90.

12. Кондрашкина, П.Е., Семенова, И.П., Федорович, Е.Ю. Особенности освоения предметного пространства рыжими полевыми в зависимости от задач жизнедеятельности, которые решали индивиды при его более раннем посещении // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. мат-лов юбилейной конференции: В 5 томах / Отв. ред. Богоявленская Д.Б. Т. 1. М.: Когито-центр, 2015. С. 415–417.

13. Леонтьев, А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

14. Леонтьев, А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.

15. Мешкова, Н.Н., Федорович, Е.Ю. Ориентировочно-исследовательская деятельность, подражание и игра как психологические механизмы адаптации высших позвоночных к урбанизированной среде. М.: Аргус, 1996. 226 с.

16. Новоселова, С.Л. Развитие интеллектуальной основы деятельности приматов. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модек», 2001. 288 с.

17. Рогинский, Г.З. Новые опыты над шимпанзе (ориентировочно-исследовательский рефлекс и подражание) // Тезисы докладов на I съезде Общества психологов, 29 июня – 4 июля 1959 г. Вып. 2. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. С. 47–50.

18. Резникова, Ж.И. Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии. М.: Академкнига, 2005. 518 с.

19. Соколова, Е.Е. Введение в психологию. М.: Академия, 2005. 352 с.

20. Соколова, Е.Е. Есть ли будущее у теории деятельности? // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 129–140.

21. Соколова, Е.Е. К истории понятия «функциональный орган» в психологии деятельности // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. мат-лов юбилейной конференции: В 5 томах / Отв. ред. Богоявленская Д.Б. Т. 1. М.: Когито-центр, 2015. С. 178–180.

22. Соколова, Е.Е., Федорович, Е.Ю. Возможности деятельностного подхода в изучении

исследовательского поведения животных // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 92–100.

23. Сурмава, А.В. Мой ответ Чемберленам. 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://www.avramus.com/я/мои-тексты/> (дата обращения: 17.05.2016).

24. Сурмава, А.В. Происхождение жизни, психики и человеческого сознания. Принципы рефлексивной теории деятельности. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.avramus.com/я/мои-тексты/> (дата обращения: 17.05.2016).

25. Сэйтл, С., Лиленфельд, С.О. Нейромания. Как мы теряем разум в эпоху расцвета науки о мозге. М.: Эксмо, 2016. 368 с.

26. Фаликман, М.В., Коул, М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18.

27. Федорович, Е.Ю. Изучение поведения животных в ситуациях новизны // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 112–123.

28. Федорович, Е.Ю. Сравнительный анализ подходов к изучению исследовательского поведения животных в психологии и этологии: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 24 с.

29. Chemero, A., Heyser, C. Methodology and reduction in the behavioural neurosciences: object exploration as a case study // Oxford Handbook of Philosophy and Neuroscience / Ed. by J. Bickle. Oxford: University Press, 2009. Pp. 68-90.

30. Chemero, A., Heyser, C. Object exploration and a problem with reductionism // Synthese. 2005. Vol. 147. № 3. Pp. 403–423.

31. Diamond, J., Bond, A. Social play in kaka (Nestor meridionalis) with comparisons to kea (Nestor notabilis) // Behaviour. 2004. Vol. 141. Pp. 777-798.

32. Ennaceur, A. One-trial object recognition in rats and mice: Methodological and theoretical issues // Behavioural Brain Research. 2010. Vol. 215. P. 244–254.

33. Huber, L., Gajdon, G. Technical intelligence in animals, the kea mode // Animal Cognition. 2006. Vol. 9. Pp. 295–305.

34. Huber, L., Rechberger, S., Taborsky, M. Social learning effects object exploration and manipulation in Keas, Nestor notabilis // Animal behavior. 2001. Vol. 62. Pp. 945-954.

35. Kendal, R., Coe, R., Laland, K. Age Differences in Neophilia, Exploration, and Innovation in Family Groups of Callitrichid Monkeys // American Journal of Primatology. 2005. Vol. 66. Pp. 167–188.

36. Pisula, W. Curiosity and information seeking in animal and human behavior. Florida: Brown Walker Press, USA, 2009. 147 p.

37. Reader, S. M., Laland, K. N. Animal innovation: an introduction // Animal Innovation / Ed. by S. M. Reader & K. N. Laland. Oxford: Oxford University Press, 2003. Pp. 3–35.

38. Russel, P. Psychological studies of exploration in animals: a reappraisal // Exploration in animals and humans / Ed. by J. Archer, L. Birke. UK: Van Nostrand Reinhold, 1983. Pp. 22-55.

39. Wright, T., Eberhard, J., Hobson, E., Avery, M., Rusello, M. Behavioral flexibility and species invasions: the adaptive flexibility hypothesis // Ethology, Ecology & Evolution. 2010. Vol. 22. Pp. 393–404.

References

1. Bakhurst, D. Mind, Brain and Education. *Voprosy filosofii*. No. 11 (2013). Pp. 50-65. [Online] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=851&Itemid=52; (date of access: May 17, 2016).

2. Viljunas, V. K. *Psychology of Development of Motivation*. St. Petersburg: Rech', 2006. 458 p.

3. Vojtonis, N. Yu. *The Prehistory of Intelligence. To the Problem of Ontogenesis*. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1949. 271 p.

4. Gal'perin, P. Ya. *Lectures on Psychology*. Moscow: Knizhny dom «Universitet», 2002. 400 p.

5. Gibson, J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Moscow: Progress, 1988. 464 p.

6. Ilyenkov, E. V. The Universal. *Encyclopedia of Philosophy (in 5 volumes)*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, Vol. 1. 1960. Pp. 301-304.

7. Ilyenkov, E. V. About the Concept of "the Body of Human", "the Human Body". *Evald Vasilievich Ilyenkov*. Ed. by Tolstykh V. I. Moscow: ROSSPEN, 2008. Pp. 396-408.

8. Ilyenkov, E. V. What is the Origin of Mind? *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat. 1991. Pp. 30-43.

9. Ilyenkov, E. V. Considerations about the Relation of Thinking and Language (Speech). *Voprosy filosofii*. No. 6 (1977). Pp. 92-96.

10. Ilyenkov, E. V. *Schools Should Teach Thinking*. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO «Modek», 2002. 112 p.

11. Knyazeva, E. N. Informational, Constructivist and Self-Organizational Approaches to Explaining Knowledge. *Filosofija nauki*. Vol. 15 (2010). Pp. 74-90.

12. Kondrashkina, P. E., Semyonova, I. P. and Fedorovich, E. Yu. Peculiarities of Objective Space Assimilation by Bank Voles Depending on the Objectives of Vital Activity Pursued by Individuals during Earlier Visits. *From the Beginnings to Contemporaneity: 130th Anniversary of the Foundation of Moscow University Psychological Society: Jubilee Conference Information Package: In 5 volumes*. Vol. 1. Moscow: Kogito-Centr, 2015. Pp. 415-417.

13. Leontiev, A. A. *Active Mind (Activity, Sign, Personality)*. Moscow: Smysl, 2001. 392 p.

14. Leontiev, A. N. *Philosophy of Psychology*. Moscow: Moscow University Publishers, 1994. 228 p.

15. Meshkova, N. N. and Fedorovich, E. Ju. *Orientation and Exploratory Activity, Imitation and Game as Mechanisms of Superior Vertebrates' Psychological Adaptation to Urban Environment*. Moscow: Argus, 1996. 226 p.

16. Novoselova, S. L. *Development of the Intellectual Basis of Primates' Activity*. Moscow: MPSI, Voronezh: NPO «MODEK», 2001. 288 p.
17. Roginskiy, G. Z. New Experiments on Chimpanzees (Orientative and Exploratory Reflex and Imitation). *Abstracts of the 1st Congress of the Psychological Society, June 29 – July 4, 1959*. Vol. 2. Moscow: APN RSFSR, 1959. Pp. 47-50.
18. Reznikova, Zh. I. *The Intelligence of Animals and Humans. The Foundations of Cognitive Ethology*. Moscow: Akademkniga, 2005. 518 p.
19. Sokolova, E. E. *Introduction to Psychology*. Moscow: Akademia, 2005. 352 p.
20. Sokolova, E. E. Does Activity Theory Have a Future? *Voprosy psihologii*. No. 4 (2011). Pp. 129-140.
21. Sokolova, E. E. About the History of "Functional Organ" Notion in the Activity Theory Approach. *From the Beginnings to Contemporaneity: 130th Anniversary of the Foundation of Moscow University Psychological Society: Jubilee Conference Information Package: In 5 volumes*. Vol. 1. Moscow: Kogito-tsentr, 2015. Pp. 178-180.
22. Sokolova, E. E. and Fedorovich, E. Yu. The Possibility of the Activity Theory Approach in the Study of the Exploratory Behavior of Animals. *Voprosy psihologii*. No. 3 (2013). Pp. 92-100.
23. Surmava, A. V. *My Answer to Chamberlains*. 2004. [Online] URL: <http://www.avramus.com/ja/moi-teksty/> (date of access: May 17, 2016).
24. Surmava, A. V. *The Origin of Life, Psyche and Human Consciousness. The Principles of Reflexive Activity Theory*. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. [Online] URL: <http://www.avramus.com/ja/moi-teksty/> (date of access: May 17, 2016).
25. Sjejt, S. and Lilienfel'd, S.O. *Neuromania. How We Lose Mind at the Age of Brain Science Progress*. Moscow: Eksmo, 2016. 368 p.
26. Falikman, M. V. and Cole, M. "Cultural Revolution" in Cognitive Science from Neural Plasticity to the Genetic Mechanisms of Acquisition of Cultural Experience. *Kulturno-istoricheskaya psihologia*. Vol. 10. No. 3 (2014). Pp. 4–18.
27. Fedorovich, E. Yu. The Study of Animal Behaviors in Situations of a Novelty. *MSU Vestnik. Series 14. Psychology*. No. 1 (2011). Pp. 112-123.
28. Fedorovich, E. Yu. *The Comparative Analysis of Approaches to Studying Animal Behavior in Psychology and Ethology*. Thesis of PhD Dissertation. Moscow. 2012. 24 p.
29. Chemero, A. and Heyser, C. Methodology and Reduction in the Behavioral Neurosciences: Object Exploration as a Case Study. *Oxford Handbook of Philosophy and Neuroscience* (Ed. by J. Bickle). Oxford: University Press, 2009. Pp. 68-90.
30. Chemero, A. and Heyser, C. Object Exploration and a Problem with Reductionism. *Synthese*. Vol. 147. No. 3 (2005). Pp. 403-423.
31. Diamond, J. and Bond, A. Social Play in Kaka (Nestor Meridionalis) with Comparisons To Kea (Nestor Notabilis). *Behaviour*. Vol. 141 (2004). Pp. 777-798.
32. Ennaceur, A. One-Trial Object Recognition in Rats and Mice: Methodological and Theoretical Issues. *Behavioural Brain Research*. Vol. 215 (2010). Pp. 244-254.
33. Huber, L. and Gajdon, G. Technical Intelligence in Animals, the Kea Mode. *Animal Cognition*. Vol. 9 (2006). Pp. 295-305.
34. Huber, L., Rechberger, S. and Taborsky, M. Social Learning Effects Object Exploration and Manipulation in Keas, Nestor Notabilis. *Animal Behavior*. Vol. 62 (2001). Pp. 945-954.
35. Kendal, R., Coe, R. and Laland, K. Age Differences in Neophilia, Exploration, and Innovation in Family Groups of Callitrichid Monkeys. *American Journal of Primatology*. Vol. 66 (2005). Pp. 167-188.
36. Pisula, W. *Curiosity and Information Seeking in Animal and Human Behavior*. Florida: Brown Walker Press, USA, 2009. 147 p.
37. Reader, S. M. and Laland, K. N. Animal Innovation: an Introduction. *Animal Innovation*. Ed. by S. M. Reader & K. N. Laland. Oxford: Oxford University Press, 2003. Pp. 3-35.
38. Russel, P. Psychological Studies of Exploration in Animals: a Reappraisal. *Exploration in Animals and Humans*. Ed. by J. Archer, L. Birke. UK: Van Nostrand Reinhold, 1983. Pp. 22-55.
39. Wright, T., Eberhard, J., Hobson, E., Avery, M. and Rusello, M. Behavioral Flexibility and Species Invasions: the Adaptive Flexibility Hypothesis. *Ethology, Ecology & Evolution*. Vol. 22 (2010). Pp. 393-404.